

DOI 10.31250/2618-8600-2024-1(23)-189-209

УДК 393

Т. И. Дронова

Институт языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра Коми
научного центра Уральского отделения РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6982-9699
E-mail: t_i_dronova@mail.ru

Тема смерти в картине мира староверов-беспоповцев Усть-Цильмы*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению народного понимания смерти представителями этноконфессиональной группы русских староверов-беспоповцев, проживающих в Усть-Цилемском районе Республики Коми. Работа написана на основе полевых материалов, собранных автором во время многочисленных экспедиций в Усть-Цилемский район; использованы рукописи, которые хранятся в семьях информантов, пожелавших не озвучивать имен. В работе также анализируются тексты погребальных плачей, выявленные в научном архиве Коми научного центра УрО РАН. Материал собирался методом глубинного интервью и включенного наблюдения в дни похорон и период пребывания усопшего в доме. Особое внимание в статье уделяется анализу погребальной фразеологии и паремиологии. Фразеологизмы и поговорки с обрядовой тематикой изучаются в аспекте выявления особенностей контекстного использования терминов по теме «смерть» и рассмотрения данного материала с позиции когнитивной лингвистики. Смерть имеет множество номинаций, которые активно используются носителями культуры в настоящее время и раскрывают понимание ухода из жизни с позиции морали (праведная или неправедная смерть). Фиксация терминов и устойчивых выражений по теме «смерть» позволила выявить закрепленные в сознании русских староверов Усть-Цильмы представления о смерти, на основе которых исполнялись погребение и поминовение. Как показало исследование, особое значение усть-цилемские староверы придавали подготовке ухода из жизни, важнейшим этапом которого было покаяние. Религиозное мировоззрение староверов формировалось на основе церковных писаний, об этом свидетельствует, в частности, знание текстов, раскрывающих основы праведной жизни и подготовки человека к вечной жизни души.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: староверы, Усть-Цильма, смерть, текст, фразеология, паремиология, погребальный обряд

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дронова Т. И. Тема смерти в картине мира староверов-беспоповцев Усть-Цильмы. *Этнография*. 2024. 1 (23): 189–209. doi 10.31250/2618-8600-2024-1(23)-189-209

* Статья подготовлена в рамках плановой темы сектора этнографии ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на европейском севере России: динамика социальных и культурных изменений». Регистрационный номер: 121042600207-7.

T. Dronova

Institute of Language, Literature, History Federal
Research Center Komi Scientific Center Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6982-9699
E-mail: t_i_dronova@mail.ru

Death in the Worldview of the “Priestless” Old Believers in Ust-Tsilma

ABSTRACT. The article examines the popular understanding of death by members of an ethno-confessional group, Russian Old Believers of the “priestless” (bespopovtsy) persuasion living in the Ust-Tsilemsky region of the Komi Republic. The article draws on the author’s field materials collected during several expeditions to the Ust-Tsilemsky region. The author had recourse to the manuscripts that were kept in the families of informants who wished not to disclose their names. The work also used the texts of funeral laments discovered in the archive of the Komi Scientific Center at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The author used in-depth interviews and participant observation during the days of the funeral and the period when the deceased was in the house. The paper focuses on the analysis of funeral phraseology and paremiology. We studied ritual phraseologisms and proverbs from the cognitive linguistics perspective to identify the contextual use of terms about death. Death has many nominations that are actively used today by culture bearers, revealing an understanding of death from a moral perspective (righteous or unrighteous death). Identifying terms and common phrases about death allowed the author to describe the concept of death in Ust-Tsilma Old Believers’ minds that underlie their burial and commemorating practices. As the study showed, the Ust-Tsilma Old Believers attached particular importance to the preparation for death, of which the most essential part was repentance. The religious worldview of the Old Believers is rooted in the church scriptures, which is evidenced by their knowledge of the texts about the foundations of a righteous life and a person’s preparation for the eternal life of the soul.

KEY WORDS: Old Believers, Ust-Tsilma, death, text, phraseology, paremiology, funeral rite

FOR CITATION: Dronova T. Death in the Worldview of the “Priestless” Old Believers in Ust-Tsilma. *Etnografia*. 2024. 1 (23): 189–209. (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2024-1(23)-189-209

ВВЕДЕНИЕ

Феномен смерти во все времена вызывал интерес у людей своей загадочностью и неопределенностью, был овеян страхом и почтением. С глубокой древности человеческий разум стремился постичь загадку окончания человеческой жизни не столько как физическое прекращение жизни, но осмыслить дальнейшее загробное существование (Даренский 2016: 62–73; Рыльская 2009: 124–126; Варава 2011: 27–42; Подюков 2018: 166–172). Народное понимание смерти и ритуалов, связанных с ней, было различным и формировалось на основе как святоотеческих писаний, так и жизненных наблюдений и опыта. В статье предполагается рассмотреть представления о смерти в религиозном сознании русских староверов-беспоповцев (поморцев), проживающих в Усть-Цилемском районе Республики Коми.

У усть-цилемских староверов уход из жизни близких людей воспринимался по-разному: от духовной радости до душераздирающей боли и отчаяния. Для верующих людей представления о смерти связывались прежде всего со спасением души и ее бессмертием или духовной гибелью и строились на основе святоотеческих писаний, заключавших, что смерть есть рубеж, завершающий временную земную жизнь человека и открывающий вечную жизнь души — переход из времени в вечность. Усть-цилемские книжники большое внимание уделяли «Словам» отцов церкви о смысле и назначении человеческой жизни и загробном воздаянии. Немаловажное значение придавалось и эмоциональному восприятию человеческой кончины, многочисленные интервью свидетельствуют о знании произведений Иоанна Златоуста, в частности «Слова еже не плакатися по умерших»: «Смерть праведным покой есть, детям утеха, рабам почивание, трудным тишина, должникам свобода, узникам льгота». Ссылаясь на церковные правила и писания, усть-цилемы свидетельствуют, что к смерти следует всегда быть готовым, критериями готовности являются покаяние и добродетельное житие:

Доброй человек умрет, дак егову душу ангелы несут, радуются, говорят: вот, много добра сделал человек, а недоброй человек умрет, то ангелы плачут да рыдают, горюют о душе. Завидовать не надо, воровать, клестись, убивать... Надо жить и добро в головы держать, тогда и дела будут добры. Каяться надо о своих грехах (ПМА 1)¹.

¹ Вероятно, высказанное суждение представляет собой перифраз из «Слова Иоанна Златоустого о исходе души от тела»: «Душу добро сотворившего человека ангел несет к Богу радуясь и веселясь; душу злого и грешного ꙗдет ангел к Богу плача и рыдая» (рукописный сборник, созданный усть-цилемским переписчиком).

Большой популярностью у верующих людей пользовались жития святых, служившие образцами праведной жизни, а также письменные памятники. В их число входят «Сказания преподобного отца нашего Макария о отшедших душах», «Мытарства блаженной Феодоры», в которых представлены сюжеты о грехах, греховной жизни, являющиеся напоминанием о будущем наказании. В почтении у староверов синодики — сборники, в которых представлены статьи с поминаниями имен святых, князей, благочестивых христиан, пострадавших «за святыха божии церкви и за веру христианскую».

Характер смерти и последующая загробная жизнь души в народном понимании зависели от прожитой земной жизни. Эти представления нашли отражение в поговорках: *жил грешно, так и умер смешно; жил не жилец и умер не покойник; живем шутя, а помрем взаправду*². Так говорят усть-цилемы о людях с низкой нравственной ответственностью. Считалось, что на характер смерти и статус умирающего могла указать природа — непогодь — в этом случае говорили: *ишишкó*³ *кого ле в петлю пихат, еретник подыхат*.

В сознании верующих людей смысл земного бытия состоит в их подготовке к смерти. О том, что истинная жизнь души мыслится как жизнь на небесах, говорится в присловьях: *родимся на век, а умрем на жизнь; мы здесь в гостях*. О естественности кончины человека свидетельствуют выражения: *все там будем; все не безвечно* (вар.: *бессмертного*) *роду; смерть за плечами* (вар.: *за глазами*); *смерть не спрашивает; день прошел — к смерти ближе* (ср. вариант В. И. Даля: день к вечеру — к смерти ближе). Смерть как неизбежность спокойно и смиренно воспринимается лишь старцами, выполнившими свое земное предназначение, «отжившими свое», — соответственно и кончина людей преклонного возраста рассматривается как своевременная. Преждевременный уход из жизни родных людей в раннем возрасте вызывает горе и страх за дальнейшую судьбу как усопшего (например, если не совершено покаяние; в случае самоубийства), так и членов семьи, особенно если в семье оставались малые дети или престарелые родители. Смерть стариков была предсказуема и гармонизировала духовный и жизненный порядок в семье, тогда как смерть молодых или еще нестарых людей вносила хаос. О том, что преждевременная смерть сулила большие трудности семье, свидетельствуют тексты погребальных плачей, которые были обращены не только к усопшему, как в некоторых других севернорусских местностях (Алексеевский 2007: 267–270), но и к живым. Большое неутешное горе выпадало на долю живых в случае преждевременной смерти близких особенно тогда, когда в семье оставались малые сироты:

² Здесь и далее курсивом выделены усть-цилемские поговорки и лексика.

³ Нечистый дух, черт, дьявол. См.: Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 2. СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. С. 447.

Я горюха бедна злосчастливая,
Я осталась да разсталась,
Я от лада да я от милой,
Я от думы да я от крепкой.
Я горька вдова да не мужняя жена,
Я со ребятами горе со малыми,
Со сиротами да со убогими.
Я как стану да век коротати,
Я со малыма детьми
Да не со взрослыми.
(НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Ед. хр. 69. Л. 61)

В погребальных плачах звучит различное понимание смерти: в случае внезапной, непредвиденной кончины смерть — *злодейка, чужая сторона*; когда умирали старцы, кончину их называли *смерточка, смертушка* — эти номинации, вероятно, свидетельствуют о христианском понимании смерти как блага.

СТАРЧЕСТВО КАК ПОДГОТОВКА К СМЕРТИ

Еще в середине XX в. возрастной рубеж, после которого усть-цильмы начинали кардинально менять свой образ жизни, определялся 50-ю годами для женщин и 60-ю — для мужчин. Главным критерием здесь являлся запрет на вступление в брак. Женщина, вышедшая замуж позднее установленного срока, по правилу «Кормчей книги» лишалась «благотворения» (Кормчая 1998: 602–603) и обрекала себя на поругание старцами, которые отстранялись от нее до тех пор, пока та не разрывала отношений с мужчиной. В народе о таких женщинах иронично говорили: *девушка невестится, с бабушкой ровесница*. О женившихся в возрасте мужчинах говорят: *не на век стар жениться, а свой обычай тешит; старому старику не женитьба, а кислому молоку не молитва; на старость дал Бог ярость; на старость жениться, чужая корысть*. В назидание старухи иронично спрашивали у принявших решение жениться в позднем возрасте мужчин: «С огузьем-то⁴ договорился?»

«Зрелая старость» наступала с 70 лет, но, по оценкам староверов, люди этого возраста были «еще в деле», то есть продолжали трудиться, выполняя нетрудоемкую работу: мужчины вязали и чинили рыболовные сети, занимались изготовлением деревянной посуды, ложек; женщины помогали растить и воспитывать детей, изготавливали пряжу, вязали, шили. Вместе с тем жизненные ограничения становились жестче,

⁴ *Огузьё* — ширинка, часть мужских штанов. См.: Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. С. 507.

и верующие люди начинали последовательно отходить от песенно-плясовой культуры: в обрядовой жизни (за исключением молитвенной) являлись лишь зрителями; женщины исключали из своего гардероба некоторые праздничные виды одежды (кокошник, фартук) и выбирали неяркие цвета, приглушенные тона; люди преклонных лет прекращали петь лирические песни — репертуар женщин составляли духовные стихи, мужчин — былины (старинны), которые пели, пока позволяло здоровье, — «до тех пор, пока духу хватало».

Старцы, являвшиеся крепкими хозяйственниками, обладавшие жизненным опытом, пользовавшиеся авторитетом в сообществе, способные в зрелые годы дать нужный совет, говорили о своем возрасте: «Годы — не уроды». Старики, перешедшие 90-летний рубеж, сообщали о себе: «Сотенны годы тянем». Если человек старческого возраста пребывал в здравии, то все свободное время посвящал молитвам. В этом заключалась его обязанность: молиться за живых и усопших и приобщать к вере детей. И только немощные старцы становились обузой для семьи, а ухаживающих за ними людей называли *люди на привязи*.

Как и повсеместно, затянувшееся старчество, сопряженное с немощью, считалось опасным, таких людей в усть-цилемских селах и деревнях называли *прожиточны люди*, о них говорили, как и в прочих местах, что они «заедают чужой век». О. А. Седакова пишет об этом: «Век как некоторый объем жизненной силы распределен между всеми членами человеческого общества, поэтому мотив вампиризма, питания чужой жизнью (кровью, силой) в архаических представлениях о стариках неслучаен» (Седакова 2004: 41–42). Как и в других местностях, таких долгожителей считали опасными; случалось, что люди, ухаживающие за ними, умирали раньше, и в этом случае преждевременная смерть человека воспринималась как вызванная тем, что он *сорвался* (то есть умер раньше срока от натуги). Это приносило в жизнь семьи большие проблемы. Неподвижного больного человека рассматривали как живого мертвеца, о нем говорили: *лежамый, невладимой/невладимый*. Такие люди, понимая, что являются обузой, при разговоре с односельчанами как бы в свое оправдание говорили: *живому в землю не запихаться; Бог душу не вымет, земля не примет*. Смысл этих паремий — приходится жить, мучиться и вместе с тем утруждать близких. При этом просить у Бога смерти считалось делом греховным и запретным. Подобные трудности староверы объясняли житейски и рассматривали как наказание за согрешения, в том числе и неотмоленные грехи родителей: *раньше было на веках, ныне на годах* (то есть с утратой веры и благочестивой жизни возмездие наступает быстрее).

Мне приходилось фиксировать рассказы о тяжелобольных людях преклонных лет, находившихся на пределе терпения и просивших убить

их. В настоящее время эта скорбная тема является поводом для «юмора», примером тому является следующий рассказ:

У нас тут нонбурской молодой мужик жил, веселый на разговор, попивал. Придет деньги займовать и сё чё ле рассказывал. Сё говорил: старым буду, сотенны годы перетену, тогда колотите меня палкой, пушшэ бейте, пока не помру, щцэбы больше белый свет не коптить (ПМА 1).

Возможно, такие повествования являются отголосками представлений о нечестивости «пережитого века» — «заедания» чей-то жизни, перекликаются с архаическим ритуалом умерщвления стариков (Велецкая 1987: 80). Единичные рассказы на эту тему встречаются и у русских староверов Верхней Печоры. В целом же крестьяне желали умереть достойно, в преклонном возрасте *со своих ног*, то есть оставаясь еще дееспособными. В покаянных неканонических молитвах, читаемых перед сном, они просили Бога об этом:

Господи, избави меня грешну злой смерти.
Дай мне, Господи, смерть с извесью,
До последенего часу быть мне в памяти.
Устить мне грешное лицо перед людьми.
Господи избави меня муки вечной,
Огня палящего, червы усыпающей,
Скрежета зубного, вечной тмы тартары.
Господи, расслаби мое сердце,
Дай мне тучу слез
Плакать мне о грехах своих тяжких.
Господи, прости меня грешну и благослови,
Дай мне ума да разума,
Приведи меня, грешну, при смерти в чистое покаяние (ПМА 2).

Ежевечернее покаяние тяжелобольного человека:
Семь семерич.
Милостивый, Господи,
Прости мою душу грешную.
О всём земном согрешении:
С юности до сего часу.
Дай боль не одольную,
Дай смерточку тиху и смиру:
Людей не напугать и самого(у) себя не намотать (ПМА 3).

Неспособные к труду люди, возраст которых превышал 85–90 лет, говорили о себе: *далеки годы ужíли; беспúтны годы живем; беспутíи*

живем; лишние годы живем; чужие годы живем; не в поле идем, а с поля катимся. Пережившие тяжелое заболевание — *живём после смерти.* Старческая немощ, связывавшаяся с утратой умственных способностей и физических сил, рассматривалась как напрасная жизнь. В прошлом за трапезой лучшую еду глубокие старцы оставляли молодым, приговаривая: *нас не вперед пастí,* то есть годы продуктивной жизни уже прожиты. Таких людей называли *старичонко/старушонка, древний старик/старуха.* О людях, пребывавших в беспамятстве, говорили, что они стали древними или впали в детство, а в целом о глубоких старцах сообщали: *дважды будешь млад,* подчеркивая этим старческую беспомощность и наивность (ср. *древить* ‘утратить память’). В целом же большинство усть-цилемских староверов полагают, что человеку перед смертью «велено поболеть», потому что умереть без боли «грешно»; через болезнь отрабатываются грехи, особенно если болящий смиренно переносит свои страдания: *«Крецыоны поскорбят, попроцаютце и лишны грехи сымут с себя»* (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2327. Л. 31). Иные полагают, что полные люди через болезнь должны привести свое тело в порядок: *«Мясным-то ведь беда грешно умирать. Дико-то мясо там ни к чему»* (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2327. Л. 31).

В настоящее время отчетливо возрастные переходы у усть-цилемских староверов не выявляются, так как большинство жителей раннего пенсионного возраста отошли от традиционного уклада и живут современной жизнью, вместе с тем сократилась продолжительность жизни людей. Не отказываясь от своей конфессиональности, они довольно пассивно участвуют в религиозной жизни семьи и общины. Староверы почтенного возраста сетуют, что утрачивается благочестие, и в качестве примера приводят такие факты: люди не молятся, на кладбище многие женщины не повязывают платков, приходят туда в неподобающей случаю одежде (с короткими рукавами, в брюках) — словом, современные люди являются представителями конфессии исключительно по крещению, а не по житию. Но, несмотря на происходящие стремительны в глобальные перемены, находятся люди, всецело посвящающие себя служению Богу, устанавливающие и контролирующиеся духовный порядок в селах и деревнях, что одновременно является и их подготовкой к загробной жизни.

Усть-цилемские староверы, как и их одноверцы из других местностей, считали необходимым предстать перед Богом в соответствии с требованиями веры: мужчины отращивали бороду, женщины — волосы (Фурсова 2014: 286), а также готовили погребальную одежду (Дронова 2011: 166–170).

Большое внимание в старшем возрасте староверы придавали исповеданию. Исповедь регулировала поведение верующих и выводила их на путь спасения и более высокий уровень духовной жизни. Наряду с канонической исповедью у усть-цилемских староверов сохранились и формы

покаяния стихиям: земле, солнцу, воде, воздуху, а также небесным светилам — звездам, Луне; растениям — деревьям, — относимые в научной литературе к числу архаичных (Дронова 2019: 112–118). Некоторые староверы в течение дня выходят прощаться к различным природным объектам: к реке, дороге, дереву, ручью. Мною записаны следующие варианты «прощаний»:

Древа Божья, простите меня грешну.

Река Божья, прости меня грешну.

Солнце, месяц, звезды, облака, простите меня грешну.

(НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 42)

Кормилечо красно солнышко, прости меня грешну во всех тяжких грехах.

Ясный месяц, прости меня во всех тяжких грехах.

Кормилеча свята вода⁵, прости меня грешну.

Простите меня, леса дремучие, грешну.

Ты прости меня, да ключева вода, грешну.

Ты прости меня грешну да вольный белый свет.

(НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 41)

По-прежнему практикуется совершение покаяния лежа в постели: *«Красно солнышко, месяц ясный, звезды, дороги, по которым хаживала, весь белой свет, простите меня, грешну»* (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 41).

Среди охотников практиковалась исповедь лесу, которую так же, как и исповедь земле, можно отнести к народной разновидности самопокаяний.

Большое значение придавалось ежедневным прощаниям перед сном в семейном кругу. Все члены семьи прощались друг с другом на случай, если вдруг смерть настигнет кого-либо во сне. Разнообразие исповедных форм в ритуальной практике указывает на большое значение исповеди в религиозном сознании староверов, а также на боязнь умереть с «утаенным грехом». Все это свидетельствует не только о высоком религиозно-нравственном статусе исповеди в современном религиозном сознании и ритуальной практике усть-цилемских староверов, но и о прочности правил жизни, заповеданных предшествующими поколениями и сохраняемых в настоящее время. Молитва и отмаливание грехов рассматриваются староверами как главный жизненный труд, ведущий к спасению и будущей встрече с Богом. Народные представления о жизни и смерти

⁵ Здесь имеется в виду река.

свидетельствуют, что для благополучного перехода из земной жизни в жизнь вечную следует придерживаться норм благочестивого поведения согласно религиозным правилам и бытовым регламентациям. По моим материалам можно сделать вывод, что еще во второй половине XX в. требования к соблюдению правил были жестче, их выполнение свидетельствовало о духовном восхождении верующего человека к добродетели и его подготовке к смерти.

ПРИМЕТЫ И ГАДАНИЯ О СМЕРТИ

Несмотря на строгие религиозные запреты на волхование, закрепленные в перечне исповедальных вопросов, в традиционной культуре нижепечорских староверов сохраняются гадания, умение толковать сны, вера в приметы. Человеку во все времена был свойствен интерес к тому, как и когда окончится его жизнь, отражение этого находим и в усть-цилемской покаянной неканонической молитве: «*Дай мне, Господи, смерть с известью* [то есть с известием. — *Примеч. авт.*]». Знаки смерти усматривали в изменениях поведения: человек чрезмерно тоскует (*тоскнёт*), плачет. О таком говорят, что у него *век коротáется*. Если человек умер с открытыми глазами, то считается, что мертвец *высматривает* следующую смерть; гроб большего, чем необходимо, размера также рассматривали как свидетельство скорой смерти кого-либо из близких; если в течение года в семье случились две смерти, то стоило ждать и третьей. Считалось, что к смерти — сны, в которых снится, как теряешь обувь, как выпадает зуб.

Не однозначным было отношение к детям первого года жизни как к еще «неочеловечившимся». Полагали, что младенец мог предвещать смерть через свое поведение: низко сгибается и заглядывает себе под ноги или издает характерные звуки, втягивая в себя воздух. По этому поводу в усть-цилемских селениях говорят: *душу затегают* ('предрекать смерть кого-либо из близких').

В старости люди стремились узнать хотя бы о приблизительном времени завершения земной жизни. Самым верным в их представлении было загадывание на жизнь/смерть через сон (*завечаться на жизнь*) в Сочельник (*кутейник*) перед Рождеством. Для этого перед сном следовало загадать на покойника, который в случае завершения жизни в текущем году должен подать весть, являясь во сне; прочие сны рассматривались как дарование Богом жизни еще на один год: «*Ране ведь так и говорили: если суждено умереть, то пусть явится во сне кто-ле из родителей*» (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 570. Л. 22). Способ считался достоверным только для стариков; многие усть-цилемы и ныне полагают, что только старцам «открывался» год кончины.

Вместе с тем староверы убеждены, что время рождения и смерти человека ведомо только Богу. Об этом говорится в следующем нарративе:

Только Бог знает, кому когда родиться и умереть. В давнишню время, в стары ешшэ времена было, люди знали день своей смерти. И как-то Господь спустился на землю, посмотреть, как люди живут. Ходит по земле и видит: один мужик скот забивает, дом свой подпалил, без мала жонку с детьми убить хочет, в общэм изводит житьё. Господь у его и спрашивает: «Зачем скотину убил, дом подпалил?», а тот ему отвечает: «Завтра умру и не хочу, шшэбы мое добро кому ле досталось». Тут Господь и подумал: не надо человеку знать своей смерти и отнял его знатъё у людей (ПМА 4).

Для стариков тема смерти была вполне обычной, подводились итоги жизни, в беседе старцы выступали распорядителями собственного погребального обряда. Некоторые староверы и в настоящее время оставляют письменные наставления, которые прикладывают к «смертной» одежде. Известны случаи, когда люди, получив «информацию» о своей кончине, входили в особое состояние и были способны предчувствовать ее до конкретного дня и часа: ложились на пол, где, по их мнению, умирать было благочестивее (ср. «грех на мягком помирать»), и смиренно уходили в мир иной.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ СМЕРТИ В УСТЬ-ЦИЛЕМСКОМ ГОВОРЕ

О смерти усть-цилемы говорят: *смерть — не напрасна беда*, поскольку полагают, что она освобождает человека от временных земных дел и забот и открывает вечную жизнь души. Народные представления о смерти как «своей — не своей», впервые описанные Д. К. Зелениным (Зеленин 1995) на славянском материале, подтверждены и моими записями. У нижнепечорских староверов определяющими критериями в данном разграничении являются характер смерти (естественная vs случайная) и степень подготовленности человека к уходу. В понимании усть-цилемов смерть разделялась на легкую и тяжелую: относительно первой говорили, что легко умирать прилюдно, покаявшемуся, к такому исходу причисляли умерших во сне, а также без мучений. Тяжелой определяли смерть, наступившую в одиночестве, рассматривавшуюся как наказание за утаенный грех; тяжело умирали неблагочестивые люди, еретики («еретники»). В богословии еретик — это человек, отрицающий церковные доктрины и ценности, тогда как в народной культуре так называли людей, занимающихся колдовством, черной магией.

По календарному времени наступления кончины порой судили о прожитой жизни. Считается за счастье умереть в день Пасхи, поскольку, по мнению усть-цилемов, в этот день Бог призывает к себе только самых преданных вере — достойных («богоугодных») людей, много страдавших или «на славу потрудившихся Богу». К достойным также причисляли лиц, умерших в воскресный или праздничный день, что

в понимании усть-цилемских староверов также указывало на благочестивость усопшего. В прошлом считалось большим несчастьем умереть в последнюю неделю Великого поста («страшнá неделя»), когда нет индивидуальных поминовений: «... человек не удостоился чести поминовения на неделе, когда Христа распинали» (ПМА 5).

Смерть наступала при различных обстоятельствах и по-разному называлась. Номинации смерти: *смерть*; *смертушка*, *смерточка* — как желанное событие, говорится применительно к глубоким старцам; *тихая смертушка* — смерть, наступившая во сне (чаще о пожилых людях); особо выделяли смерть, наступившую при соитии или от венерического заболевания (*смертишиша*), как греховную (ср. присловье *семьдесят семь смертей и смертища*); *крутая смерть* — скоропостижная; *несчастливая смерть* — непредвиденная, внезапная; *смерть лютая/злая* — о гибели на войне. Смерть еретика, пропойцы называлась грубо — *захало*. О смерти как Божьем деле (ср. выражение *Бог дал — Бог взял*) говорили: *Бог прибрал* (о старцах, тяжелобольных людях, долго мучившихся от боли), *отдать Богу душу*. Смерть как процесс описывалась следующими лексемами и устойчивыми выражениями: *повалиться/легти в землю, испуститься, заспать на век, концы отдать, свернуться* (стремительно, в короткий период умереть от болезни), *глаза запереть, загнуться/сорваться* (умереть от непосильного труда), *убраться, погнало/погонило* (о приближающейся смерти тяжелобольного человека). Смерть как исчезновение описывали глаголами: *бросить, оставить, спокинуть, гинуть* (на войне). Смерть как путь: *укатиться, взойти в сырую землю, пойти в землю, от людей уйти* (умереть от порчи), *снаряжаться в путь* (о тяжелобольном человеке, находящемся при смерти), *собраться к матери/родителям* (быть при смерти). Смерть как потеря души описывается выражениями: *выйти из души, с души спуститься, душа вышла, душу выпустить* (совершить ритуальные действия над умирающим). Смерть как состояние: *смерть за глаза* (во сне), *своя смерть* (естественная), *грешна смерть* (при опьянении, при соитии), *смерть за плечами* (всегда рядом), *у смерти* (при смерти). Предчувствие смерти (о стариках): *век коротается, век пришел, одна нога в могиле, гробова доска стучит, Иван гробов идет сватать*⁶, *ложиться на упокой земли, песок сыплется*. Констатация смерти: *глаза остаялись*. О чередности смертей: *как косой выкосило, выумирали, выумирывали, всё были люди и все не стали*.

Лексемы и выражения, отражающие неестественную смерть, следующие: *сделаться от своих рук, уйти от своих рук, вешаться, вздернуться, доспеться, самому найти себе дорогу, задавиться, известись*,

⁶ Выражение образовано от названия одного из усть-цилемских кладбищ, названного именем местночтимого святого Иоанна — Иваново кладбище.

положить жизнь (о гибели на войне), *удавиться, наложить на себя руки, над собой сотворить, упасть шишку в ноги, самому себя нарушить*.

Умершего естественной смертью называли *усопший, покойный, умерший*; неестественной смертью — *самоубивец, висельник, задавленник, утопленник, утопшой*. На известие о естественной смерти человека принято было отвечать формулой *прости благослови* — так живые проявляли покровительство за новопреставленного перед Богом.

Усть-цилемские староверы-книгочеи на многие волновавшие их жизненные вопросы находили ответы в церковных книгах, делали выписки из них и т. п. Так, народные представления о видах смерти и их трактовках формировались на основе святоотеческих писаний, в которых большое внимание уделялось этой теме. Одна из моих собеседниц на вопросы, почему невинные младенцы умирают, а иным даруется долгая жизнь, почему праведные проживают короткую жизнь, а грешные «многая лета» живут и т. п., в ответ сослалась на «Слово св. Отцов об умирающих внезапно и утопающих»⁷. Ее ответ вкратце сводится к следующему: все в жизни устроено по промыслу Божию и дается во спасение человеку; младенцы умирают не от греха, а на разумение родителям, согрешающим в делах; грешному человеку дается «многая лета» для покаяния, а бывает и такое, что праведный человек с трудом спасается, тогда как грешный человек умирает не своей смертью и спасется («*Аще праведный едва спасется. А иже нецыи грешные лютою смертию умирающе льготу и ослабу от грех примут*»⁸). Неслучайно смерть крещеных младенцев как еще не успевших нагрешить мыслилась благой, а их почитание — райским: «*Смерть для младенцев есть покой и спасение, не о чем им ответ держать, как не имевших греховного искуса. Смерть без истления сущих*»⁹.

С особой осторожностью воспринимали смерть человека утонувшего или повесившегося: злорадство людей по этому поводу так описывается в писаниях святых: «...лукавое рассуждение, что такая смерть — расплата за грехи, повергает людей в “злодеяние”, ибо не дано человеку мудрости рассуждать — это дело Бога»¹⁰.

Между тем в среде усть-цилемов бытует мнение, что праведные умирают в старости, а погрязшие в грехах — преждевременно в «страшных смертях».

⁷ Рукописный сборник, составленный усть-цилемским переписчиком.

⁸ Рукописный сборник, составленный усть-цилемским переписчиком. Хранитель Поздеева П. А., с. Усть-Цильма.

⁹ «Слово Иоанна Златоустого еже не плакатися по умерших». Рукописный сборник, составленный усть-цилемским переписчиком. См., например, Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб.: С.-Петербург. духовная академия, 1906. Т. 12. Кн. 2, Выборки из разных слов св. Иоанна Златоуста. С. 471–889.

¹⁰ «Слово св. Отцов о умирающих внезапно и о утопающих» (рукописный сборник, составленный усть-цилемским переписчиком).

Группу «чистых» усопших составляют люди, умершие естественной смертью в преклонном возрасте; к этой группе также относят крещеных младенцев и отроков; вообще людей, скончавшихся ранее положенного срока (*дóвека*), но исполнивших христианский долг (исповедание); погибших на войне. Последние составляют группу мучеников, к которой, согласно святоотеческим писаниям, следует относить тех, кого смерть застала непреднамеренно, как и в рассказе отца Алексия — наставника усть-цилемской общины:

Вот на реке лед установился, первый человек через реку прошел и не провалился, а следующий за ним провалился и утонул — он мученик. А бывает и так: по тонкому льду пойдет человек и провалится — все, он — самоубийца. Каждую преждевременную смерть надо отдельно рассматривать. В Прологах об этом много написано (ПМА 6).

Группу «нечистых» мертвецов составляют люди, умершие без крещения; покончившие с собой (повесившиеся, застрелившиеся, утонувшие); роженицы; мертворожденные; колдуны; пропавшие без вести (кроме воинов), тела которых не преданы земле; погибшие/застреленные в мирное время; погибшие от удара молнии; утонувшие при невыясненных обстоятельствах; умершие в бане. В «Слове блаженного Евсевия епископа» говорится о важности тщательного рассмотрения обстоятельств смерти в этих случаях:

Аще бо в зимный час и в лютый мороз из дому изыдет [человек. — *Примеч. авт.*] и на пути от мраза умрет таковой самовольною смертию умирает. Аще ли кто в тихо из дому изыдет и на пути примет беда, и места не будет где укрыться таковой мученической смертию скончается. И паки аще придет на реку и обрящет ю мутиму волнами, и не преходящу чрез нея никомуже. Той же надеся своею дерзостию прейти и шед в напасть скоро умрет. То о такове не приносят во церковь, недостоин приносить сам бо себе убийца есть. Аще ли же кто слышав на распутии разбойники люты, и пойдет тем путем яко мужаяся и аще убьют его, то сам себе убийца. Аще ли кого в вязнем бою убьют, или кто удавится то тии своею волею умирают и погребати таковых недостоит. Ни принося о них во церковь недостоит приносить, сами бо себе погубили суть. Аще ли кого внезапно беда примет утонет или убьют, или инако вневедении кому прилучится смерть то мученическою смертию умирает человек¹¹.

В случае самоубийства наставник тщательно выясняет обстоятельства смерти. Хотя по церковному правилу по таким мертвецам строго

¹¹ Там же.

запрещалось творить поминовения, на практике духовник всегда детально рассматривал причину подобной смерти: в здравии был человек или душевном расстройстве («без ума»), если человек пребывал в слабоумии, то такого общинным правилом допускалось поминать на общих службах или близким людям, и спустя несколько лет совершали по покойнику отпевание, но при этом всегда подчеркивали, что смерть была «нечистой». Вообще же при целенаправленном лишении себя жизни поминовения запрещаются за исключением вселенских панихид, совершаемых в родительские недели, где мертвецов поминуют «иже с ними», не упоминая их имен вслух, но разрешается творить милостыню за спасение души самоубиенного.

Преступность греха самоубийства заключалась в самочинном укорачивании жизни, дарованной человеку Богом. Смысл земной жизни человека состоит в его нравственном совершенствовании, духовном восхождении с тем, чтобы в загробной жизни обрести воздаяние за земные подвиги — «мзда ваша многа на небеси». Оборвать себе жизнь означало преждевременно сойти с пути самосовершенствования, не выполнив своего предназначения, и явиться в загробный мир непризванным, восставшим против Бога. Апостол Павел говорит об этом: «Никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли — для Господа живем, умираем ли — для Господа умираем» (Рим. 14: 8).

Как и всюду, на Усть-Цильме о самоубийцах говорили, что души этих людей «погрязли в грехе» и им уже уготована вечная мука. К представителям этой группы умерших запрещалось прикасаться голыми руками, поскольку считалось, что их «скверна» могла перейти на живого, поэтому раньше их крюками сволакивали к месту погребения — за деревню, чаще в низменное место, и закапывали в яму, в которую бросали все предметы, использовавшиеся при этом: веревку, рабочие рукавицы (*вачеги*), крюк и др. В рассказах информантов общей темой является страх перед этой группой мертвецов, выразившийся в избегании места погребения самоубийц. Таких мертвецов начали хоронить на кладбищах в 1970-е гг. по указанию представителей администрации сельских поселений, что вызвало негодование у староверов, но воспрепятствовать этой практике не удалось. Многие молитвенники полагают, что этим были осквернены погосты, а согласно эсхатологическим представлениям — последовало наступление «последних времен». Еще в недавнем прошлом умершие неестественной смертью «выпадали» из памяти живых, о них запрещалось говорить, называть по именам. В настоящее время представители семей ходят на кладбище, совершают каждение, но, как и прежде, по самоубийцам не совершают индивидуальные поминовения.

К числу нечистых усопших причисляли также некрещеных людей. По древнецерковному правилу, если ребенок умирал без крещения по нерадению родителей, то его смерть засчитывалась им в грех. В этом

грехе необходимо было каяться на исповеди: «Грех тому, кто не покрестит дитя, и оно умрет». Есть поверье, что душа некрещеного младенца на том свете не может обрести покой и ее ожидают большие мучения. Другие полагают, что души таких усопших хотя и слепые духовно, но еще не погрязшие в грехах, а потому пребывают в некоей «южной стране», которая не связывается с адом. Некоторые староверы Усть-Цильмы полагали, что изменения формы могилы некрещеного младенца могли указать на его возможную прижизненную участь или состояние души. Для того чтобы узнать ее, родственники в течение 40 дней ходили на кладбище и наблюдали за могильным холмом. Если земля на могиле оставалась неподвижной, а, по мнению иных, бывали случаи, что и возвышалась, это служило знаком «богоугодности» ребенка, за него можно было петь «шестинедельную» панихиду, поминая как «безымянного». Оседание холма за сорокодневный период означало, что младенец нес зло людям еще в чреве матери, а поэтому поминовения ему не полагались.

Еще в конце XX в. сохранялось особое отношение к смерти, наступившей в бане или в первые минуты после возвращения из нее, когда человек не успел омыть руки и лицо водой, пока пребывал без креста. В этом случае определяющим в причислении таких покойников к «нечистым» была сама причастность бани к «нечистому»:

В бане шишко, а в сенцах — ангел. Если в бане человек умирает, всеми силами его надо на улицу выволочки. В бане умрет, то шишки его душу забирают и только после 40 дня его можно поминать (ПМА 5).

Баня — нечиста хоромина. В Нерице баба одна мылась и умерла, дэж не знашь, как ей нынь и поминать. Ошпарилась она или как померла, чё тут получилось. Одному в баню грех ходить, нельзя. Когда ле дедко Тима говаривал. Ране ведь бабы и мужики все вместе мылись, дедко Тима пошел в баню мыться с двумя бабами. Одна-то слепа была, уж двадцать лет как. Ды она и говорит другой бабёнки-то: «Твой мужик на меня щэпоту [порчу. — *Прим. авт.*] навел». А та и отвечает: «Щэбы мне из парной байны не выйти. Мой мужик ничё не знал». Ды тут нимо [тут же. — *Прим. авт.*] пала и померла. Гли как надо было сказать. В такой смерти тоже не знашь, как и поминать (ПМА 7).

Таких усопших запрещалось поминать по имени, их включали в безымянную категорию «иже с ними».

Приведу личный пример: у моей тети, очень богомольной женщины, являвшейся головщицей¹², сын вышел из бани и, не умыв лица и рук, умер. Несмотря на уговоры некоторых родственников, она не позволила

¹² Запевала на церковных службах.

помянуть его по имени. Такие случаи не единичны и характеризуют твердость религиозных убеждений староверов Усть-Цильмы.

Неоднозначное отношение усть-цилёмов к скоропостижной смерти прежде всего связывается с неподготовленностью христианина как еще не исповедовавшегося, мало молившегося и недостаточно трудившегося во славу Господа человека. На Цильме такую смерть называют *крутой*. Если она настигла человека в молодом возрасте, то некоторые староверы склонны были рассматривать ее как кару за грехи (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2327. Л. 23). По мнению других, внезапная смерть считалась благом, но лишь в том случае, если человек был преклонных лет, пребывал в благочестии. В случае скоропостижной смерти молодого человека односельчане спрашивали у родных о последнем дне преставившегося: его (ее) поведении, роде занятий. Многие полагают, что иные молодые люди, предчувствуя свою смерть, за день успевают совершить много добрых дел; про таких говорят, что у человека *век коротаетце*: *«Иногод бывает у человека век коротаетце, дэк добрый человек, трудолюбивый сколько работы-то за день сделает — это как предчувствует смерть-ту. А новой мечется, мечется»* (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2327. Л. 29).

Особое отношение остается к скончавшимся в молодом возрасте, состоявшим в браке. Если смерть наступала ночью, то наставник обязательно уточнял обстоятельства смерти. Если выяснялось, что смерть наступила во время соития, то о таких усопших говорили: *умер/умерла в погани*. Это считалось намного греховнее, чем умереть в нетрезвом состоянии; еще одно значение этого выражения — умереть от венерического заболевания.

Еще в 1970-е гг. бытовал такой обычай: когда смерть наступала внезапно, человек был застрелен, утонул — на его могиле высаживали ель — дерево, в народной дендрологии связанное с погребально-поминальными обрядами¹³ (Агапкина 1999: 183–186). Если деревце приживалось и росло хорошо, то считалось, что смерть была непреднамеренной, тогда по умершему совершали традиционные поминовения; в ином случае считали смерть «нечистой».

«Нечистыми» усопшими становились проклятые дети, терявшиеся, смерть которых не фиксировалась, а тело оставалось не преданным земле. Такие дети, согласно текстам быличек, терялись в лесу, утопали в водоемах; их души оставались неприкаянными. В дальнейшем родители могли слышать голоса детей возле водоемов, в лесу и т. п.

¹³ В разных культурах использование ели и погребение под ней интерпретируются неодинаково: украинцы посредством елового гроба не позволяли покойному «ходить» после смерти, староверы-бегуны хоронили в корнях, пряча от окружающего мира, олонцекие жители между двумя елями погребали удавленников. См.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 183–186.

К «нечистым» покойникам причисляли и умерших вредоносных колдунов. Пижемские старoverы их смерть сравнивают со смертью животных: «Колдуны не умирают, а пропадают». На их причастность к ведовству указывали житейские наблюдения, в том числе долгие мучения при исходе души. Считалось, что для того, чтобы умереть, таким людям необходимо освободиться от колдовской силы, передав ее другому. По сообщению Г. Поздеева из с. Среднее Бугаево, колдун, проживавший в их деревне, умирал три дня: в течение этого времени из него выходила колдовская сила, и столько же дней после смерти по ночам бесовская сила стучалась в дверь соседнего дома (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 119–120). Над умирающим необходимо было постоянно кадить с тем, чтобы обезопасить окружающих, «чтобы нечисть на правого не села». Для ускорения и облегчения смерти колдунов прибегали к магическим приемам: втыкали в порог или нижний венец дома топор, который впоследствии бросали в могильную яму; допускалось и закапывание топора в болотистой местности, «где люди не ходят». По мнению усть-цилемских старoverов, втыкание топора в порог должно было, с одной стороны, преградить проникновение в дом «помощников» колдуна, а с другой — пресечь его собственную вредоносную силу, препятствующую наступлению смерти.

Еретики характеризовались как оборотни, способность к оборотничеству не прекращалась даже после их смерти. Об этом свидетельствует следующий рассказ:

С Пижмы Мартемьян был еретник сушшый, и жена тоже еретница была, но он сильнее был и даже жену стравил. Мартемьян бараном олборачивался. На лодке едут — баран на горке бегат, зайдут на гору — Мартемьян стоит. Он омрачит и людям покажется. Некоторые в ворона обращаются, в лошадей. Когда еретник умрет, то по всем углам в гроб соль сыплют, чтобы он из гроба не выходил, а то хоронить его будут, а он сядет в гробу. В Рочево был ижемец Максим Марков, они с жонкой были сушшы еретники, под угором жили, кушники были, и когда он умер, то ночью на еговой могилы огонь горел и он по улицы большим жеребцом бегал. Потом жонка егова, Коробьихой звали — Анна Коробьиха, пошла и могилу ножом очертила и нож в могилу заткнула, и больше он не ходил (ПМА 8).

По колдунам погребения не совершали, но в народной памяти такие люди сохранялись долго.

Народное представление о беременной женщине как «нечистой» также было основанием для причисления скончавшейся роженицы к числу «нечистых» покойников. Таких женщин в прошлом хоронили отдельно, за пределами сельского кладбища, но, в отличие от прочих

покойников этой группы, о них допускалось говорить, читать общий канон или петь общую панихиду.

По людям, утонувшим при неблагоприятных обстоятельствах, погибшим от огнестрельного оружия во время военных действий, допускалось творить поминовение, к их именам при этом добавляли «утопший» или «убиенный».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало исследование, в усть-цилемской староверческой культуре смерть рассматривалась как естественное явление, к которому следовало быть готовым. Понимание готовности строилось на основе церковных текстов, которые местными переписчиками тиражировались: их активно читали и обсуждали в сельской среде. До настоящего времени сохраняется понимание обязательности покаяния и следования правилам жизни, ориентированным на духовное обновление, совершенствование души, возведение ее на уровень божественной любви. Смерть вносит в жизнь семьи серьезные изменения, связанные с личной трагедией, страданием, скорбью и душевной болью, — об этом свидетельствуют многочисленные тексты плачей.

Смерть имеет множество номинаций, раскрывающих понимание ухода из жизни как процесса, а также классифицирующих смерть с позиции морали (праведная vs неправедная смерть). Рассмотренный материал позволил всесторонне проанализировать понимание смерти, закреплённое в сознании усть-цилемских староверов, и выявил особенности их мировидения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НАКНЦ УрО РАН — Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН

ИНФОРМАНТЫ

1. Полевые материалы автора (ПМА). Записано от П.Г. Бабиковой, д. Чукчино, Усть-Цилемский р-н, Республика Коми, 2000 г.
2. Полевые материалы автора (ПМА). Записано от П.Г. Чупровой, с. Трусово, Усть-Цилемский р-н, Республика Коми, 2003 г.
3. Полевые материалы автора (ПМА). Записано от А.С. Вокуевой, с. Усть-Цильма, Республика Коми, 2003 г.
4. Полевые материалы автора (ПМА). Записано от И.И. Чупрова, 1936 г. р., в г. Сыктывкар, 2006 г.
5. Полевые материалы автора (ПМА). Записано от О.В. Кармановой, 1933 г. р., в с. Замезная, в 2001 г.

6. Полевые материалы автора (ПМА). Записано от А. Г. Носова, с. Усть-Цильма, 2011 г.
7. Полевые материалы автора (ПМА). Записано от А. М. Бабиковой, д. Чукчино, Усть-Цилемский р-н, Республика Коми, 2004 г.
8. Полевые материалы автора (ПМА). Записано от Г. Г. Рочева, д. Рочево, Усть-Цилемский р-н, Республика Коми, 2010 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т. А.* Ель // Славянские древности. Т. 2. М.: Междуна. отношения, 1999. С. 183–186.
- Варава В. В.* Неприятие смерти — основа нравственного сознания: опыт русской философии // Литературоведческий журнал. 2011. № 29: Материалы XII Международных научных чтений памяти Н. Ф. Федорова. С. 27–42.
- Велецкая Н. Н.* Формы трансформации языческой символики в старообрядческой традиции // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 79–99.
- Даренский В. Ю.* Смерть как ценность культуры // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2 (23). С. 62–73.
- Дронова Т. И.* Одежда староверов Усть-Цильмы: традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре (середина XIX–XXI вв.). Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2011. 212 с.
- Дронова Т. И.* Религиозный канон и народные традиции Усть-Цильмы: формирование, сохранение, эволюция. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2019. 280 с.
- Кормчая (Номоканон). СПб.: Воскресение, 1998. 1481 с.
- Подюков И. А.* Образы смерти в русской народной культурной традиции Прикамья // Традиционная культура. 2018. № 5. С. 166–172.
- Рыльская Т. П.* Смерть как социокультурный феномен // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5 (34). С. 124–126.
- Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
- Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Междуна. отношения, 1999. 680 с.
- Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1. СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2003.
- Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 2. СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2005.
- Фурсова Е. Ф.* Похоронно-поминальная обрядность старообрядцев-переселенцев из Белоруссии как этнографический источник (по материалам XX — начала XXI века) // Вестник Новосибирского университета. Серия «История, филология». 2014. Т. 13. Вып. 5: Археология и этнография. С. 284–296.

REFERENCES

- Agapkina T. A. [Fir]. *Slavyanskie drevnosti* [Slavic antiquities]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 1, pp. 183–186. (In Russian).
- Darenskiy V. Yu. [Death as a cultural value]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2016, no. 2 (23), pp. 62–73. (In Russian).
- Dronova T. I. *Odezhda staroverov Ust'-Tsil'my: traditsionnyye tipy i funktsii v pover'yakh i obryadovoy kul'ture (seredina 19–21 vekov)* [Clothing of old-believers of Ust-Tsilma: traditional types and functions in beliefs and ritual culture: (mid 19 — beginning of 21 century)]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr UrO RAN Publ., 2011. 212 p. (In Russian).
- Dronova T. I. *Religioznyy kanon i narodnyye traditsii Ust'-Tsil'my: formirovaniye, sokhraneniye, evolyutsiya* [Religious canon and folk traditions of Ust-Tsilma: formation, preservation, evolution]. Syktyvkar: OOO “Komi respublikanskaya tipografiya”, Publ., 2019. 280 p. (In Russian).
- Fursova E. F. [Funeral and memorial rites of old believers immigrants from Belarus as ethnographic sources (materials 20 — early 21 century)]. *Vestnik Novosibirskogo universiteta. Seriya “Istoriya, filologiya”* [Bulletin of the Novosibirsk University. Series “History, Philology”], 2014, vol. 13, iss. 5, pp. 284–296. (In Russian).
- Podyukov I. A. [Images of death in the Russian folk cultural tradition of the Kama region]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2018, no. 5, pp. 166–172. (In Russian).
- Ryl'skaya T. P. [Death as a sociocultural phenomenon]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2009, no. 5 (34), pp. 124–126. (In Russian).
- Sedakova O. A. *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Poetics of the Rite: Funeral Rites of the East and Southern Slavs]. Moscow: Indrik Publ., 2004. 320 p. (In Russian).
- Varava V. V. [Rejection of death is the basis of moral consciousness: the experience of Russian philosophy]. *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Literary journal], 2011, no. 29, pp. 27–42. (In Russian).
- Veletskaya N. N. [Forms of transformation of pagan symbols in the Old Believer tradition]. *Traditsionnyye obryady i iskusstvo russkogo i korennykh narodov Sibiri* [Traditional rituals and art of the Russian and indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 79–99. (In Russian).

Submitted: 15.10.2023

Accepted: 01.12.2023

Article published: 01.04.2024